

Ольга БОРИСОВА

(г. Самара)

АПРЕЛЬ

Апрель. Седьмое. Вы-ход-ной!
На стеклах луч плетет узоры.
Соседи громко за стеной
Ведут о чем-то разговоры...

Смотрю в окно... Спешит старик,
(Он этажом живет пониже);
Красивый был, видать, мужик!
И, говорят, что жил в Париже.

Поэтом слыл в чужой стране,
В салонах гостем был желанным.
Теперь один... По чьей вине
Жильцом отныне безымянным?..

А вот дворовый рыжий пес,
В лучах купаясь, греет спину.
Он зиму еле перенес —
Плешивый, старый... Жалко псину!

На ветке клена — воробей.
Кричит пострел на всю округу.
Давай, пернатый, не робей!
Зови в гнездо свою подругу!

Весна смеется за стеклом,
Ее восторженно встречаю.
Согретая живым теплом,
Спешу на кухню выпить чаю.

ИЗ ПЕРЕВОДОВ:

Красимир ТЕНЕВ
(Болгария)

РАСПРОДАЖА ВОСПОМИ- НАНИЙ

На улочке тихой вдали от базара,
под липой цветущей старушка стоит.
Она от болезни коварной устала.
Оперлась на палку, несчастна на вид.

А рядом скамейка и книги — рядами,
она продает их. Ей не на что жить...
Асфальт раскалился и пышет углями,
и пусто вокруг, ни единой души.

Стою и смотрю на ее раритеты —
названья знакомы, ничтожна цена.
Духовно богата, успел я отметить.
«Взгляните на три!» — предложила она.

— «Трилогия это... Возьмите...
Беляев...
Нужны на лекарства мне деньги опять...
Мои эти книги... И каждый здесь
знает...
Но боль изнутри продолжает
терзать...»

А голос ее, как и прежде, был
звонкий...
И вдруг я увидел, как в фильме немом:
она — молодая, за партой — девчонки
и мы — мальчуганы... Она за столом...

Две мутных орбиты глаза те сегодня,
и малой надежды в них нынче уж нет.
Была поэтессой по воле Господней,
красавицей знойной слыла много лет...

Оставил измятых я двадцать ей лемов...
... На первой странице читаю потом:
«Супруге Елене, моей королеве,
В твой день юбилея!
С душевным теплом!»

Ники КОМЕДВЕНСКА (Болгария)

ЛОШАДИ

Путь закончен. Сейчас им куда?
Побелели глаза их от боли.
Погнала в степь лошадок беда,
убежали они из неволи.

От кнута обезумев совсем
(лупцевал их нежадно хозяин),
мчались кони, не зная зачем,
дальше в степи от сельских окраин.

Обрели (показалось им) путь,
вместе с ним — и покой, и свободу.
Без ярма! Их теперь не вернуть...
Путь закончен... А дальше —
нет ходу.

Ломовые, смиренны они —
не щадил кнут истерзанной кожи.
Ты под ноги стезю протяни,
пожалей их, всевидящий Боже!

Истомившись от долгой жары,
проклиная свободу стократно,
Они ищут с той самой поры
пару рук, что вернут их обратно.